

АРГУМЕНТАТИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2007 И.М. Васильянова

Калужский госпедуниверситет им. К.Э. Циолковского

Настоящая статья посвящена анализу деятельности и личностно ориентированного динамического начала, осуществляемого языковой личностью в определенных социальных и межличностных условиях общения с определенными целями и мотивами, с использованием всего арсенала имеющихся для этого средств. Взаимопонимание обуславливает коммуникативную деятельность партнеров по общению, ставит ее в прямую зависимость от возможных результатов и выполняет регулятивную функцию диалогического взаимодействия.

Значимость регулятивной стороны диалогического общения возрастает, если рассматривать диалог как процесс обмена действиями (вербальными и невербальными) по типовому (фреймовому) образцу, где деятельность коммуникантов опирается на знания — иллюкативные, языковые, интерактивные, регулятивные, энциклопедические и т.д. Сущность регулятивной функции сводится к организации успешного взаимодействия коммуникантов в определенном социальном контексте. Основной задачей коммуникативного взаимодействия является установление взаимопонимания между партнерами на основе имеющейся информации.

Другой стороной диалогического общения является такая трансакция, в реализации которой используемые для типового иллюкативного сценария диалогические шаги не выполняют своей функциональной предназначенности, однако они и не прерывают диалогического общения.

Глобальной целью диалогического общения с точки зрения интеракционной теории является достижение взаимопонимания между участниками коммуникации, а целью аргументативного общения в критической дискуссии — воздействие на рационального судью/аудиторию с целью убеждения его/ее в приемлемости выдвинутой точки зрения.

В нижеследующем отрывке мы намерены продемонстрировать все речевые действия учас-

тников, описанные выше, проанализировать, чем общение в малой группе отличается от диалога в диаде, а также выяснить в каких коммуникативных формах воплотились когнитивные и психологические особенности, способствующие принятию решения.

Рассмотрим дело, в котором иск подают родители погибшего во время родов младенца. Защита (З) настаивает, что мальчика спасти было невозможно. Обвинение (О) пытается доказать, что подсудимая — врач-акушер, принимавшая роды, намеренно оставила ребенка без помощи.

О: (1) Свидетель,

(2) сколько случаев детской смертности было в практике обвиняемой?

С: (3) За 11 лет ее практики в роддоме умерло 12 детей.

О: (4) Спасибо, (5) у меня больше нет вопросов.

З: (6) Андрей Владимирович (и.о. свидетеля — прим. И.В.), (7) сколько сложных родов обычно бывает в год?

С: (8) Очень много.

(9) 3-4 случая в неделю.

З: (10) Правильно ли я понимаю, что (11) 12 детей за 11 лет — это достаточно низкий показатель?

С: (12) Абсолютно точно. (13) Крайне низкой. (14) При этом нужно учесть, что Алиса Викторовна проводила самые сложные операции.

З: (15) Спасибо, (16) у защиты больше нет вопросов.

Во всем этом коротком эпизоде заметно, что структурно обозначена одна самостоятельная трансакция, состоящая из двух обменов (1-5) и (6-14). В отрывке представлен опрос свидетеля (С). Мы рассматриваем его с позиции компетентного члена судебного разбирательства, способного внести свой вклад в решение проблемы. Своими ходами (3), (8-9) и (12-14) он берет на себя ответственность дать правдивые ответы на вопросы О и З, ведущие к разрешению вопроса. То, что на первый взгляд весь отрывок кажется

одним большим обменом, на самом деле нужно рассматривать как взаимодействие двух стратегий О и З, а не как сочленение двух сложных коммуникативных ходов. В этом не так трудно убедиться, рассмотрев первые ходы трансакции.

Ход (1), обращение, определяемый некоторыми исследователями как самостоятельный тип речевого акта *вокатив* [6, 128; 2, 28], открывает всю трансакцию, намечая двух главных ее участников и маркируя начало второго обмена. Обращение выполняет важнейшую функцию как контактоустанавливающий регулятив, привлекая внимание С и эксплицитно назначая его в качестве адресата. Обращение, произнесенное с высоким падающим тоном и отделенное паузой, имеет признаки самостоятельного метакоммуникативного хода. Оно может быть квалифицировано как *вызов* (summons) [7, 129-131] — один из вариантов открытия обмена (opening) [5, 237], наряду с *обрамляющим* и *фокусирующим* ходами [5, 238], что характерно для метакоммуникативных обменов, организующих дискурс. В данном случае это обрамляющий ход. Он выполняет не тематическую, а лишь подготовительную функцию по отношению к инициативной части обмена. Центральным тематическим и прагматическим компонентом всего первого репликового хода, придающим ему семантическую насыщенность и функциональную направленность, является (2) — вопрос. Он вводит ситуативно обусловленную тему и открывает обмен, требуя ответного комментария. Вопрос обоснован достоверностью факта смерти младенца, результатом которого является данный процесс. Своим ходом О подводит к формулировке проблемной ситуации. Ходами (2) и (3) конструируется коммуникативная модель события, в данном случае выстраивается речевой сценарий (обвиняемая — некомпетентный врач), по которому можно судить и о соответствующей когнитивной модели.

Ходу (2) мы бы хотели уделить особое внимание. Дело в том, что интеррогативные конструкции со стороны О или З используются, как правило, не просто для запроса информации, а для обозначения тех аспектов обсуждаемой проблемы, которые требуют дополнительного рассмотрения с целью привлечения к ним пристального внимания. В момент постановки вопроса свидетелю О или З, как правило, уже имеет свой вариант ответа, который он и предлагает аудитории в качестве возможного ответа на вопрос относительно виновности обвиняемого. Опираясь на данный вывод, можно предположить, что большое количество вопросов к С в полной мере могут быть названы риторическими, и в основном служат актуализацией регулятивной стратегии приватизации знаний.

Ход (4) — реактив по отношению к (3). Его нельзя трактовать как просто элементарный акт благодарности за ответ на поставленный вопрос. Новое знание, которое окружающие получили, проинтерпретировав это высказывание, особенно его экспликутуру, подтверждает импликатуру предыдущих ходов обвинения и, по мнению О, однозначно указывает на то, что обвиняемая виновна в смерти и этого младенца. Необходимо уделить особое внимание слову “*спасибо*” в рамках судебного процесса. Данное слово несет дополнительную, функциональную нагрузку — указание на то, что сторона получила именно ту информацию, которую стремилась получить для доказательства своей правоты. В противном случае, если ожидания О и З не оправдались, последние, как правило, переходят к другому вопросу, не заостряя внимания на несостоявшемся доказательстве.

Ходом (5) *у меня больше нет вопросов*, З выражает удовлетворение своей акцией, после чего наступает невокализованная пауза, которую Обвинитель держит, закрыв тем самым обмен (1-5). С дискурсивной точки зрения регулятивом, которым пользуется О, становится *коммуникативно значимое молчание* [1, 15; 4, 96]. Этот на первый взгляд незначительный невербальный прием показывает, что “аудитория” в многостороннем общении играет далеко не ту пассивную роль, которую ей иногда отводят. Можно утверждать, что роль данного прагматического фактора в коллективном общении выше, чем в классическом диалоге в диаде [8, 128; 9, 132]. Коммуникативно значимое молчание, конструирующее *нулевой ход* [5, 227], насыщено импликатурами, инференционно выводимыми из реактивного хода (3) предыдущего обмена. Обезопасив свою позицию социально и дискурсивно, импликатурой указав на вероятные истоки проблемы [*по вине обвиняемой погибло такое большое число младенцев*], О, опять-таки имплицитно, прогнозирует решение вопроса в свою пользу, завершая тем самым опрос Свидетеля. Данный ход он сопровождает невербальными действиями (спокойно перебирает бумаги), демонстрируя окончание своих речевых действий.

Этот момент на стыке (5) и (6) ходов весьма примечателен для процесса принятия решения. Проблемная ситуация названа, и ее анализ и решение переходят в компетенцию Защиты, чем последняя немедленно пользуется. Нужно отметить, что паузу, которую Обвинитель хотел выдержать, Защита сводит до минимума. В его интересы не входит, чтобы аудитория попала под психологическое воздействие данной статистики (3). Защита стремительно ее нарушает.

Прагматически и предметно-тематически вторая часть транзакции тесно связана с первой. По предмету и глобальной теме она развивает первую: здесь речь все еще идет о детской смертности, но в этом случае не только в практике Обвиняемой, а по общим показателям по родильному дому.

Первый ход второй части транзакции (6) также представляет собой вокатив, но он отличается от первого обращения с точки зрения социально-психологического климата “группы” и ее культуры. Ход (6) – фокусирующий ход. Им подтверждается изменение событий в ходе судебного заседания – слово переходит к З. Данный ход – символ переключения внимания на реплику З и как контактоустанавливающий сигнал обратной связи. Мы не сомневаемся в правомерности приписывания ему статуса отдельного хода, так как это не просто пример обращения. Обращение к свидетелю по имени-отчеству, а не сухое “свидетель” (1), интонация заинтересованности налицо демонстрируют не просто тривиальную вежливость. В нем четко просматривается тактика З найти в С союзника. Ход (7) очень важен с когнитивной и психологической точек зрения. Дискурсивная модель (7) (альтернативная “статистике в практике обвиняемой”) относительно родов в целом по родильному дому, реализуется не только в перечисленной выше лексике, которая указывает на осложнения при родах, но и в синтаксисе бытийных конструкций с обозначением времени, близких по своему грамматическому значению: (2) – *в практике обвиняемой*, (11 лет), (7) – *в год* (по роддому). В ходе (7) общая тема получает новую перспективу и точку зрения, которую привносит З. В этом фрагменте очень хорошо показана динамика двух говорящих (О и З), так как ключевым моментом дискурса является своего рода “*эх*” [5, 239] предыдущего обмена. Такие явления характерны для группового общения, но не для диад.

Ход (7) – прагматически весьма сильный инициативный ход. Он представляет собой прямой вопрос, к тому же резко взятый. Защите очень хорошо удается, пользуясь тем же приемом использования статистики, направить ход процесса абсолютно в другое русло. В данном эпизоде можно проследить, как правильная постановка вопроса может повлиять на результат процесса. В новом контексте вопрос (7) инференционно интерпретируется не только как запрос информации о детской смертности в данном роддоме, но и о том, что тяжелые роды – рядовая ситуация, не представляющая собой ничего экстраординарного. Однако связь синтаксиса и лексики в (2) и (7) очевидна – этим во многом обеспечиваются и локальная

грамматическая когезия и глобальная тематическая когеренция.

Следующие за этим ходы С (8-9), (12-14) преследуют общую цель – сделать все возможное, чтобы помочь коллеге. Получив санкцию на право голоса со стороны З, С не торопится высказаться. Он прекрасно осознает, что в первом обмене его ответы не способствовали реабилитации обвиняемой. Если допустить, что ход (8) отсутствует в диалоге, то при эксплицируемых предварительных условиях оказывается, что единственного хода (9) вполне достаточно для нормального завершения всего обмена. Это отводит акту (8) роль вспомогательного хода в сложном (8-9). Но (8), несмотря на избыточность, выполняет важную риторическую функцию дискурсивного конструирования проблемной ситуации и в этом смысле намечает пути развития диалога, приведшие к (10) и (11).

Главной же “достопримечательностью” обмена можно смело назвать ход (10), своим появлением обязанный групповому характеру разговора и заставляющий задуматься о самом смысле понятия обмен. Ход (10) не просто охарактеризовать как только инициативный или реактивный. Он обладает в равной мере обоими этими качествами. Как реактивный данный ход сначала подтверждает восприятие З предшествующей информации, где как раз возникает интересующее ощущение проблемности референтной ситуации. Признаком того, что данный ход инициативный, является то, что он не просто требует у собеседника подтвердить адекватность восприятия, но и как-то изменить его речевое поведение.

Реакцией на (10-11) является ход (12). Его роль видится не столь репрезентативной, как (8) и (9). Ответ все равно состоялся бы и без (12): (8) и (9) вполне достаточно, чтобы вычислить необходимую импликацию, что *Алиса Викторовна* (и.о. обвиняемой – прим. И.В.) – очень опытный специалист. Ход (12) выполняет важную функцию дискурсивного конструирования проблемной ситуации. В этом смысле он ставит точку в вопросе о сомнениях окружающих в профессионализме обвиняемой. Ход (12) в терминах теории релевантности – это независимое от контекста *усиление* или *подтверждение* [5, 231]: новое знание, которое слушающие получили, проинтерпретировав это высказывание, особенно его экспликацию, подтверждает импликацию предыдущих ходов и однозначно указывает на то, что смерть произошла не по вине обвиняемой.

Ход (13) *крайне низкий* – конструирует деонтическую модальность нормы с анафорическим указанием на 11-и летнюю практику Обвиняемой, который вместе с ходом (14) наполняет-

ся конкретным смыслом: *Алиса Викторовна – один из лучших специалистов по городу в этой области.* Данный дискурсивный сценарий эксплицирует общее положение дел, существующее в среде акушерства и гинекологии данного города. Его суть сводится к тому, что, несмотря на то, что патология при родах случается очень часто, Обвиняемая спасает новорожденных в большинстве случаев, снижая детскую смертность. То, что С называет Обвиняемую по имени-отчеству, и то, с какой теплотой он о ней отзывается, играет важную роль в организации социально-дейктического поля, а так же индексации межличностных и социальных отношений. Это также указывает на то, что Обвиняемая снискала уважение и заслужила авторитет среди коллег. Эта ситуация и стала референтной во второй половине трансакции по воле Защиты, которую последняя закрывает традиционным для подобной ситуации ходом (15-16).

Первичная инициатива Обвинителя не достигла цели. Он так и не раскрыл свою тему, а Защита не упустила возможности и смогла сохранить собственную тональность общения. В результате именно инициативные шаги Защиты достигли цели. С интеракционной точки зрения и первая, и вторая часть трансакции представляют собой версии и являются аргументами, состоятельность которых повлияет на принятие решения. Основные фазы этого процесса как раз и соответствуют тем ходам, где синтаксически и лексически полнее представлена модель предметной ситуации: опрос свидетелей всегда представляет собой вопросительную форму (модальный оператор этой пропозициональной установки). В целом вся трансакция характеризуется весьма высоким уровнем глобальной тематической когеренции, локально данный фрагмент дискурса также не страдает от семантических провалов и разрывов.

Схематически всю трансакцию можно изобразить следующим образом:

Обмен 1 I(1+2)
 R(3)
 F(4+5)
 Z

Обмен 2 I(6+7)
 R1(8+9)
 RI(10+11)
 R2(12+13+14)
 F(15+16)

где I – инициативный ход, R – реактивный, F – отклик, RI – реактивно-инициативный, Z – нулевой ход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В.В. Богданов // Языковое общения и его единицы: Сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – С. 12-18.
2. Богданов В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 25-37.
3. Крестинский С.В. Интерпретация актов молчания в дискурсе / С.В. Крестинский // Язык, дискурс, личность: Сб. науч. тр. – Тверь, 1990. – С. 38-45.
4. Крестинский С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге / С.В. Крестинский // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 92-98.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: Учеб. пособие / М.Л. Макаров. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
6. Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения: Учеб. пособие / И.П. Сусов. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. – 320 с.
7. Francis G., Hunston S. Analysing everyday conversation // Advances in Spoken Discourse Analysis. – London, 1992. – 200 p.
8. Kerbrat-Orecchioni, Plantin A. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives. – London, 1993. – 170 p.
9. Kerbrat-Orecchioni C. A multilevel approach in conversation analysis // Paper pres. At the 5th International Pragmatics Association Conf. – Mexico City, July 4-9, 1996. – 188 p.

Рецензент – Н. М. Вахтель.

Статья принята к печати 28.11.2006.